

0-734105 - /

Тверской государственный университет

На правах рукописи

Евгений Викторович Петренко

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В.Г. ТЕПЛЯКОВА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Специальность 10.01.01. – русская литература

Тверь
2002

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
Тверского государственного университета

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор М.В. Строганов

Официальные оппоненты:

- доктор филологических наук Д.П. Ивинский
- кандидат филологических наук С.П. Белехова

Ведущая организация – Саратовский государственный
университет

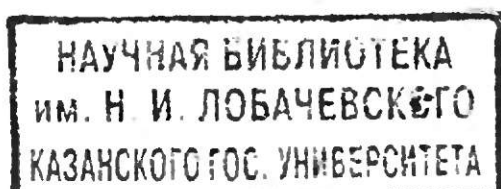
Защита состоится «24» июня 2002 года в 13.00 часов на
заседании диссертационного совета К.212.263.03 по защите дис-
сертаций на соискание ученой степени кандидата филологиче-
ских наук в Тверском государственном университете (171000,
Тверь, пр. Чайковского, 70).

Автореферат разослан «...» ..... 2002 года

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

С.Ю. Николаева

Творчество В.Г. Теплякова редко становилось предметом специального внимания исследователей, хотя обращение к его поэзии и прозе мы находим в целом ряде работ, посвященных русской литературе первой трети XIX в. Историков литературы интересовала в основном романтическая биография Теплякова, отношения с литераторами его времени, в частности с А.С. Пушкиным, В.Ф. Одоевским, О.М. Сомовым и другими, что отразилось в создании биографических очерков разной степени основательности и авторитетности. Однако авторов всех этих работ проблемы творчества Теплякова интересовали в самую последнюю очередь.

Недостаточное внимание к творчеству Теплякова объясняется принадлежностью его к поэтам «второго ряда». Исследователи никогда не считали Теплякова выдающимся или оригинальным поэтом, сам же он был также весьма скромного мнения о своем творчестве и уровне своего таланта. Кроме того, слабую изученность темы можно объяснить еще и тем, что произведения, опубликованные при жизни Теплякова, не переиздавались отдельными книгами: творчество Теплякова включает два прижизненных стихотворных сборника Теплякова 1832 и 1836 гг. и книгу эпистолярной прозы «Письма из Болгарии» 1833 г. Публикации избранных текстов были крайне незначительны по объему, чтобы создать определенное впечатление о творчестве писателя.

Монографической работы, посвященной жизни и творчеству Теплякова в целом, не существует. Это обуславливает **научную новизну и актуальность** настоящего исследования. В представляемой диссертации сделана попытка описания творческого пути Теплякова; впервые в научный оборот вводятся неопубликованные поэтические тексты Теплякова, черновики второй части поэмы «Бонифаций», деловые документы и письма (Рукописный отдел ИРЛИ РАН (Пушкинский дом), Государственный архив Тверской области). Все это дает возможность представить литературное творчество Теплякова в максимально полном объеме.

Целью настоящей работы является научное описание биографии и творчества писателя. Задача исследования состоит, таким образом, в том, чтобы представить целостную картину литературной деятельности Теплякова на фоне развития русской поэзии первой трети XIX в., что позволит не только выявить своеобразие творческого пути Теплякова, но и дополнить представления о литературной жизни 1820–1830-х гг.

Означенная проблематика определила структуру диссертации: работа состоит из Введения, трех глав и Заключения.

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета в рамках научного направления «Литература в системе культуры». **Апробация работы** прошла в докладах на научных конференциях: «Актуальные проблемы филологии в вузе и школе» (Тверь, 2000, 2001, 2002), «Провинция как реальность и объект осмысления» (2000), «Мотив вина в литературе» (2001), «Проблемы восприятия художественного произведения» (2002), – в газетной публикации «Поэт из Дорошихи» (Караван + Я. 2000. 31 мая, № 43. С. 13). Содержание диссертации отражено в 7 опубликованных работах.

В главе первой «Биография В.Г. Теплякова как научная проблема» ставится проблема литературного жизнетворчества поэта, который сознательно переносит в свою биографию модели жизненного поведения, которые уже были разработаны современной ему литературой и его собственным творчеством.

В.Г. Тепляков родился 15 августа 1804 г. в имении Дорошиха недалеко от Твери. После обучения в благородном пансионе при Московском университете Тепляков выбирает военную карьеру и в сентябре 1820 г. зачисляется юнкером в Павлоградский гусарский полк. События 1825 г. застают его в Петербурге. Не участвуя в восстании декабристов, Тепляков, однако, отказался от присяги Николаю I и на исповедь, на которой священник спрашивал об этом, послал своего брата Аггея. Обман был раскрыт, священник донес о неблагонадежности Теплякова. В апреле 1826 г. братья были заключены в Петропавловскую

крепость. После освобождения Тепляков был направлен на жительство в Херсон, а в 1828 г. зачислен в штат новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова. В 1829 г. он был направлен в Болгарию для отыскания древностей для одесского музея, а в 1834 г. он совершает поездку в Константинополь, Смирну, Афины и Коринф.

С июня 1835 г. Тепляков живет в Петербурге, посещает «субботы» Жуковского, возобновляет знакомство с В.Ф. Одоевским, знакомится с Пушкиным. Одновременно он хлопочет о назначении в состав константинопольской миссии. Осенью 1836 г. Тепляков получает его и отправляется сначала в Константинополь, а потом в Грецию, Сирию, Палестину. С декабря 1838 г. до мая 1840 г. Тепляков вновь живет в Петербурге, а затем едет за свой собственный счет в Париж, чтобы продолжить исследования памятников древности и полечиться на европейских курортах. В Париже Тепляков посещает салоны С.П. Свечиной, встречается с Шатобрианом, А. Мицкевичем, Ламартином. В июле 1841 г. Тепляков покидает Париж и едет в Германию, а оттуда – в Италию. Осенью 1842 г. Тепляков вернулся в Париж, где умер 14 октября 1842 г.

В 1824 г. Каверин, отвечая на письмо Теплякова, в котором тот, видимо, раскрывал планы на будущее, замечает: «Намерение ваше путешествовать, ловить смешное и странное, приятное и полезное – достойно вас и идет к вашим летам и способностям» (Русская старина. 1896. № 2. С. 427). По справедливому мнению В.Э. Вацуро, слова Каверина – «почти формула, программа бытового поведения и одновременно эстетическая ориентация»¹. Конечно, в 1824 г. двадцатилетний Тепляков еще не знает, что ожидает его в будущем, но после 1829 г. он уже точно знает, что «охота к перемене мест» определит всю его жизнь. Строчки, оставленные на бумаге, станут не просто стихами, станут его судьбой. И жизнь Теплякова подтверждает это. Он как будто бы специально стремится перенести ситуа-

¹ Вацуро В.Э. К биографии В.Г. Теплякова // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 6. Л., 1982. С. 202.

цию, описанную в стихах, в реальную жизнь. К 1836 г. были опубликованы все известные произведения Теплякова: «Письма из Болгарии», «Фракийские элегии» и другие, которые создавали Теплякову репутацию поэта-странника. С 1836 г. Тепляков вообще не пишет стихов, но поддерживает сложившуюся репутацию в личной и деловой переписке. И, конечно, не перестает путешествовать. Он не может сойти с избранного однажды пути даже тогда, когда, казалось бы, можно было бы начать спокойную жизнь, в 1839–1840 гг. Однако едва ли «это была обобщенная и проецированная в литературу подлинная социальная биография»², скорее было наоборот: Тепляков именно литературу проецировал в свою биографию, именно биографию он выстраивал по уже существующим по литературным образцам – будь то творчество Байрона, Пушкина или свое собственное.

Глава вторая «Творческий путь В.Г. Теплякова. Жанры и поэтические формы» посвящена поэтическому наследию Теплякова.

В параграфе первом *«Источниковедческая основа описания творческого пути В.Г. Теплякова»* представлена источниковедческая база диссертации, описываются особенности творческого процесса Теплякова, приводится полный список произведений Теплякова с указанием места первой публикации или места хранения не опубликованных рукописей. Здесь дается характеристика эпистолярного наследия Теплякова и краткое описание его архива в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский дом).

В параграфе втором *«Поэтическое наследие В.Г. Теплякова»* мы обращаемся к раннему творчеству 1822–1828-х гг. Первые поэтические опыты Теплякова относятся к 1819 г, но они не сохранились. Произведения Теплякова известны только с 1822 г. («Новое чувство»). В 1823 г. он пишет поэму «Бонифаций», посвященную восстанию жителей французского города Марселя против тирании Карла Анжуйского под руководством трубадура Бонифация III, возглавившего крестовый поход про-

² Там же. С. 212.

тив альбигойцев. Тема и главный герой, которым становится бард-воин, совершенно очевидно вписывают поэму в традицию декабристской литературы. Поэма выдержана в духе аллюзионной гражданской поэзии 1810–1820-х гг., на что указывает, в частности, употребление «слов-сигналов» (*вольность, закон, гражданин, тиран, самовластье, цепи, кинжал* и т.п.), вызывающих в сознании читателя ряды вольнолюбивых, тираноборческих представлений. Поэма «Бонифаций» менее всего напоминает связное повествование. Внутренняя речь героя, в очах которого «дума черная блуждает», построена как лирический монолог автора, в котором ощущаются противоречивые чувства, охватившие героя в самый драматичный момент. Карл со своим войском подходит к Марселю. Автора волнует: устоит город или вновь, несмотря на свободолюбивые призывы Бонифация, вернется в рабство Карла. В этом монологе – разочарование, предчувствие и ожидание предательства, мысли об обманутой любви.

Характерной чертой литературной жизни первых десятилетий XIX в. были «дружеские общества», небольшие дружеские кружки. Именно в таких дружеских литературных кружках проходило становление поэтического таланта многих литераторов второго ряда. Тепляков не был исключением. В период службы в Павлоградском гусарском полку тесные отношения сложились между ним и П.П. Кавериним, который стал главным авторитетом для Теплякова. Каверину посвящено «Послание к моему сослуживцу» (1823?), которое восходит к посланиям «Мои пенаты» и «К Ж<уковскому>» К.Н. Батюшкова. Каверин в этом «Послании» предстает таким, каким изобразил его Пушкин в стихотворениях «К портрету Каверина» и «К Каверину» (оба – 1817). «Послание» носит исповедальный характер: с одной стороны, автор послания откровенно иронизирует по поводу своего адресата, с другой – сам автор предстает в нем больным и унылым поэтом, которого гнетут различные недуги и «скорбей тяжко бремя», ограничивающие полет фантазии. Поэт болен, и жалобы его звучат искренне и неподдельно. В заклю-

чительных строках «Послания» появляется мотив радостной смерти, также обозначенный Батюшковым в «Моих пенатах». Тепляков следует за Батюшковым в использовании фразеологии, антично-итальянского антуража, самого стихотворного размера (трехстопный ямб). Но Тепляков не овладел гармонической непринужденностью Батюшкова. В отличие от Батюшкова он не поэтизирует быт, но грубая реальность торжествует в его послании над поэтической фантазией. «Послание» было послано Д.И. Хвостову, чтобы тот представил его в Вольном Обществе Любителей Российской Словесности. Однако по неизвестным причинам Д.И. Хвостов не представил его в «ученой республике».

Два других стихотворения Теплякова этого времени «Незабудка» и «Зораида к шиповнику», неизвестно кем доставленные в Вольное Общество, в феврале 1824 г. были заслушаны на заседании, но отвергнуты. Стихотворение «Незабудка» следует считать утерянным, и в печати известно только стихотворение «Зораида к шиповнику» («Благонамеренный»). В следующем году в «Невском альманахе» Е. Аладына появляется стихотворение «Элегия» («Вотще меня ты хочешь подружить...»).

Хотя публикация стихотворений в этих изданиях была важна для Теплякова, пытавшегося войти в столичные литературные круги, однако в выборе печатного издания литературный новичок оказывается очень щепетилен. Вскоре он отказывается от сотрудничества с «Благонамеренным» и «Невским альманахом» и пытается наладить отношения с более престижными изданиями. В августе 1824 г. Тепляков предлагает для публикации свое стихотворение «Незабудка» издателям «Мнемозины» В.К. Кюхельбекеру и В.Ф. Одоевскому, отвергнутое «соребнователями». Однако в «Мнемозине» ни «Незабудка», ни другие стихотворения Теплякова напечатаны не были. В 1824 г. Теплякову удалось напечатать только одно стихотворение — кантату «Ариадна», в котором он обращается к разработке популярного в поэзии первой трети XIX в. антологического жанра. Тепляков сохраняет особенности построения, характерные для

жанра кантаты, — неоднократное изменение метра. В «Ариадне» использованы 2-стопный (песня горных нимф), 4- и 6-стопный ямбы (речь Ариадны и слово автора).

В другом антологическом стихотворении «Ганимед» Тепляков обращается к известному мифологическому сюжету, в трактовке которого для Теплякова принципиальным оказывается не только красота, но и любовь. Основной особенностью антологических стихов Теплякова является описательность. Однако Тепляков отказывается от абсолютно точного воспроизведения традиционной формы: он пишет не антологические эпиграммы, а антологические ^{элегии}, снова оказываясь последователем Батюшкова.

Особенно сильное влияние на поэтическое мироощущение Теплякова оказал кризис 1826–1827 гг., вызванный тем, что после восстания декабристов он был заподозрен в оппозиции к власти и вследствие этого заключен в Петропавловскую крепость. К этому периоду относятся только два стихотворения: «Затворник» (1826) и «Изгнанник» (1826–1827), в котором впервые появляется фигура одинокого скитальца, наделенная автобиографическими чертами. Тема скитальчества продолжена в стихотворении «Кавказ» (1828). В описании Кавказа Тепляков следует за Пушкиным: строки из «Посвящения» к поэме «Кавказский пленник» вынесены в эпиграф стихотворения, Тепляков сознательно выделяет парафразы из пушкинской поэмы. Со стихотворением «Кавказ» тематически и текстуально связано стихотворение Теплякова «28 августа 1828».

В параграфе третьем «Поэтическое наследие В.Г. Теплякова (1829–1835 гг.)» рассматривается позднее творчество Теплякова.

В 1829 г. Тепляков пишет стихотворение «Странники», которое было опубликовано в «Северных цветах на 1830 год». Именно с этого стихотворения начинается (пока заочное) знакомство Теплякова с Пушкиным. В «Странниках» Тепляков обращается к традиционному для стихотворных новелл сюжету о «странствователях» и «домоседах». До него эту проблему раз-

рабатывали В.А. Жуковский («Теон и Эсхин», 1814) и К.Н. Батюшков («Странствователь и домосед», 1815). Но в отличие от своих предшественников, для которых странствия и поиски счастья оказываются суетными, а нормой человеческой жизни является подчиненность ее жизни природы, Тепляков отдает предпочтение «страннику». Рассматривая стихотворение как реплику в поэтическом диалоге, можно сказать, что Тепляков предлагает оригинальное решение традиционной литературной темы. Связано это было с пессимистическим мировосприятием, истоки которого обусловлены личной жизнью Теплякова. В «Странниках» поэт преодолевает влияние Батюшкова и ориентируется на Пушкина. Это тем более естественно, что в 1830-е гг. Тепляков печатает свои произведения исключительно в изданиях пушкинского круга: «Северные цветы» и «Литературная газета».

В 1829–1834 гг. Тепляков живет в Одессе. Провинциальная жизнь тяготит его. Здесь создан ряд саркастических эпиграмм, в которых осмеивается обывательская жизнь одесского общества: «Безнадежность» (1830), «The blur stockings», «Современное благополучие», «Щелчок» (все – 1831).

Но главным жанром стала для него элегия. Одним из первых опубликованных стихотворений Теплякова была элегия «Вотще меня ты хочешь подружить...» (1825). Ее герой – унылый и разочарованный страдалец, которого «во цвете лет» «истребляет» непонятный дух, вспоминает об утраченной любви. Здесь появляются образы «серебряного потока» и цветка как символы быстротечности жизни и молодости. Впервые в поэзии Теплякова возникает представление о «лучшем мире», в который перелетает после смерти душа и где по-настоящему возможно счастье. К теме параллельного идеального мира Тепляков возвращается в стихотворении «К мечтательнице» (1830), где говорит о невозможности достичь его. В стихотворении «Последний вечер в ***» воспоминания о бывшей любви героя сопровождает традиционный для поэзии Теплякова вечерний пейзаж, подготавливающий следующее размышление о тщетно-

сти воспоминаний, о том, «чем никогда уж сердцу не дышать». Таким образом, формируется оппозиция природного, гармоничного человека и человека цивилизованного, бездушного. В стихотворении «Галатея» (1833) идеал жизни рисуется на лоне природы.

Элегические мотивы пронизывают и автобиографические стихотворения Теплякова о скитальчестве, разлуке с родиной, например стихотворение «Миг на Родине» (1831). Поиски счастья имели для Теплякова глубоко личный смысл. Тему недостижимости счастья Тепляков поднимет и в стихотворении «Счастье», переводе стихотворения Беранже «La bonne vieille». Творчеством Беранже Тепляков серьезно интересовался в последний период своего творческого пути, когда он выполнил переводы стихотворений «Моя старушка», «Песнь казака». Счастья на земле достичь невозможно, оно всегда иллюзорно и призрачно, где бы его ни искали: в деревне ли, в столице, «в гаремах Азии блаженной», Европе или Америке.

Важной темой русской поэзии первой трети XIX в. является прославление земных радостей и наслаждений. Это выразилось в жанре так называемой «вакхической поэзии», которая была «литературным выражением предромантического, — а затем романтического мироощущения, где жизненная полнота, почти языческое переживание жизни было едва ли не непреложным свойством поэта»³. Тепляков, как и многие поэты, его современники, начал работать в этом жанре. В свой второй сборник он включает три текста, связанных с культом Бахуса: «Вакхическая песня», «Менада», «Оправдание». «Вакхическая песня» — своеобразный гимн вину, название которого напрямую отсылает к одноименному пушкинскому тексту. Но если у Пушкина наряду с прославлением веселого и беззаботного образа жизни звучит прославление разума и мудрости, то у Теплякова тема получает иное развитие. Первую строфу он начинает с призыва, повторяющего призыв из стихотворения Пушкина:

³ Вацуро В.Э. Антон Дельвиг — литератор // Дельвиг А.А. Сочинения. Л., 1986. С. 10.

«Наполним бокалы, содвинем их разом...» Тепляков последовательно перечисляет все, что должно доставлять человеку радость и делать его счастливым – дружбу и любовь. Но друзья (в отличие от «винограда золотой струи») предают, и тогда «для дружбы душа холодеет». Чувство любви также изменчиво и непостоянно, и поэтому ничто не может сравниться с постоянством и неизменностью вина. Прославление Бахуса вступает в противоречие с общей тональностью стихотворения, что является отличительной особенностью почти всех поздних стихов Теплякова. Ирония, близкая к иронии немецких романтиков, в «Вакхической песне» приобретает характер сарказма и создает контраст внешне оптимистического тона стихов и «глубокого пессимизма содержания» (В.Э. Вацуро). От дифирамбов Вакху Тепляков обращается к воспеванию его жрицы в стихотворении «Менада». В описании вакханки упомянуты все ее атрибуты: тирс – жезл Вакха и его спутников, увитый плющом и виноградом, небрида – одеяние менады из шкуры молодого оленя. Как и у Батюшкова (стихотворение «Вакханка»), волосы вакханки перевиты плющом, стан ее обвит «хмеля желтого венцом», в устах ее «тает пурпуровый виноград». Рядом с ней, пишет Тепляков, думается только о любви; ср. у Батюшкова: «Все в неистовой прельщает!»

Интересно расположение этих стихов в составе сборника Теплякова 1836 г. Сначала идет стихотворение «Счастье», в котором декларируется невозможность найти счастье в современном мире, а истинное благополучие обретается только за пределами земного мира. Следом же за ним – «Вакхическая песня», вольный перевод из Байрона, далее «Менада» и «Оправдание», где Тепляков не только моделирует, как могла бы сложиться его литературная и личная судьба, если бы не «ранние кручины», обрушившиеся на него, но и оправдывает свою несложившуюся судьбу, отчасти повторяя мотивы, прозвучавшие в «Вакхической песне» и «Менаде».

Одним из самых значительных произведений Теплякова в жанре элегии является стихотворение «Одиночество» (1832).

По мнению Л.Я. Гинзбург, «авторский образ “Одиночества” — на полпути между “унылым” героем, принадлежащим элегическому жанру, и новой романтической индивидуальностью»⁴. Предложенный Тепляковым выход из одиночества оказывается в духе философического романтизма Любоумудров, складывавшегося под воздействием философии Шеллинга. «Всемирная душа», о которой пишет Тепляков, — это некое абсолютное начало, находящееся за пределами действительности. Истоки таких идеалистических представлений, впрочем, можно найти в поэзии Теплякова уже в 1820-е гг., когда он писал о лучшем мире. Ко времени создания стихотворения «Одиночество» мысль Теплякова окончательно оформилась.

В поэзии Теплякова то возникают шеллингианские устремления к слиянию со «всемирной душой», то мелькают демонические образы, порожденные «протестующим романтизмом» (Л.Я. Гинзбург). Д. Мильтон в поэме «Потерянный рай» впервые в мировой литературе заинтересовался проблемой восставшего и падшего ангела. «Демоническая» тема в русской литературе берет свое начало в пушкинском стихотворении «Демон» (1823). Однако цельнооформленность демоническому образу в русской поэзии придал А.И. Полежаев («Тайный голос», «Живой мертвец», 1827; «Божий суд», 1834). На появление и развитие темы демона очень сильное влияние оказал также роман Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец». Тепляков, по всей видимости, читал первое русское издание романа Метьюрина, (1833). В 1820–1830-е гг. русские поэты наделяли демона типичными мельмотическими чертами скептика, искусителя, враждебной силы. В стихотворении Теплякова «Жестокий призрак» тема демона соединяется с темой любви. Лирический герой все силы отдает любви к ангелу, который изменяет лирическому герою. Эти же мотивы ощутимы и в стихотворении «Любовь и ненависть» (1832), где все «положительные» стороны ангела Тепляков описывает от третьего лица, а во второй части стихотворения речь идет от лица самого «злобного демона». В

⁴ Гинзбург Л. О лирике. Л., 1996. С. 143.

стихотворении «Два ангела» (1833) Тепляков продолжает развивать тему демона. Композиционно стихотворение делится на две части, в которых Тепляков описывает двух ангелов. Описание демона в этом стихотворении, по словам Л.Я. Гинзбург, «какими-то чертами подсказывает лермонтовского демона». Работу над поэмой «Демон» Лермонтов начал еще в 1829 г., но она была неизвестна Теплякову. Он интуитивно привносил в свою позднюю поэзию черты новой поэтической системы, которую разовьет затем Лермонтов. В разработке демонической темы Тепляков оказывается гораздо ближе к Лермонтову, нежели Полежаев, «обобщенностью, философским оправданием темь» (там же. С. 144).

Таким образом, в стихах конца 1820-х – начала 1830-х гг. Тепляков отходит от поэзии Батюшкова. В это время Тепляков опирается в основном на лирику Пушкина. Однако уже отчетливо прослеживается тяготение к поэтической системе после-пушкинской эпохи. Это выразилось в усилении субъективного начала, особенно в вакхической поэзии Теплякова, и в стихах, посвященных теме демона. Последние, наравне с любовной лирикой, оказываются очень близки к Лермонтову.

Глава третья называется «Своеобразие творческого мышления В.Г. Теплякова. Принципы циклизации».

В первом параграфе «Поэтические сборники» анализируются особенности организации стихотворных сборников Теплякова. Книгу 1832 г. составили 30 стихотворений, написанных в 1824–1831 гг. Она представляет собой лирическую биографию автора, хотя расположение стихотворений здесь еще достаточно произвольно. Книга формировалась при минимальном участии самого Теплякова. В предисловии к сборнику 1832 г., которое было написано братом поэта Алексеем Григорьевичем Тепляковым, творчество Теплякова было противопоставлено современной литературе. Композиция книги представляла собой отражение биографии автора. Это повлияло и на последовательность представления стихов. В начале сборника помещены оптимистические, наиболее «объективные» стихотворения. Открывав-

шее сборник стихотворение «Благодатная фея» утверждало торжество поэтической фантазии. В «Ариадне» и «Ганимеде» Тепляков обращается к образам древнегреческой мифологии, которые традиционно решались в жизнерадостно-оптимистическом ключе. Далее в сборнике были напечатаны стихотворения «Затворник» и «Изгнанник», которые создавали резкий перелом в общей тональности. Следом за ними шли «Странники», «Кавказ» и другие стихи, посвященные теме скитальчества, описывающие духовную драму автора, эпиграммы, направленные против провинциальной обывательской жизни Одессы. Завершался сборник стихотворением «Чудный дом» с его идеей суеты сует земного мира.

Некоторые стихи в сборнике сопровождали примечания самого автора (стихотворение «Кавказ») или издателя А.Г. Теплякова («Гений», «Румелийская песня», «Татарская песня», «Станцы Генералу К***», «Чудный дом»). В них мы находим информацию о творческой истории стихотворений, минимально необходимые пояснения. В сборнике 1836 г. (при публикации «Фракийских элегий») авторский комментарий приобретает более заверченный вид, сообщая тексту новое поэтическое качество. Предисловие ко второму сборнику было написано самим В.Г. Тепляковым.

Ко всем стихотворениям в первой книге стихов Тепляков тщательно подбирает эпиграфы. Во всех случаях, доступных проверке, они отсутствовали в первых, журнальных публикациях и появлялись только при публикации в сборнике. Это относится и ко второй книге, в подготовке которой принял участие товарищ Теплякова по Благородному пансиону В.Ф. Одоевский. Он по своему выбору отдавал стихи для предварительной публикации в журналах, написал очень «лестное примечание», которое сопровождало публикацию стихотворения Теплякова «Любовь и ненависть» в «Московском наблюдателе».

Сборник 1836 г. структурирован более четко: в первой части помещены «Фракийские элегии», во второй – «Стихотворения разных годов», написанные после 1832 г. В вынесении

цикла «Фракийские элегии» на первое место проявилось новаторство поэтического мышления поэта, осознававшего жанровую новизну своего цикла. Выделение в книге особого тематического цикла уже предпринималось в литературной практике 1820-х гг.; так в «Стихотворениях Александра Пушкина» 1826 г. «Подражания Корану» завершали сборник. У Теплякова мы видим новый и серьезный шаг вперед: поэтический цикл выдвинут на первый план и открывает собой сборник. Таким образом утверждается принципиальность самого факта циклического мышления. В письме к В.Ф. Одоевскому от февраля-марта 1826 г. Тепляков называл «Фракийские элегии» «главными волнами нашего моря», т.е. считал их основным, главным своим произведением.

Сборник вызвал ряд откликов критиков. Так, в 1837 г. в журнале «Библиотека для чтения» появляется двусоставная рецензия, написанная О.И. Сенковским: «О белых страницах» и «О небелых страницах». Рецензия была выдержана в язвительном, издевательском тоне, что не могло не задеть Теплякова. На отзыв «Библиотеки для чтения» Тепляков отвечает эпиграммой «Белые страницы». Вероятно, к этому же времени относится ироничная характеристика Теплякова в поэме А.М. Бакунина «Осуга», написанная, может быть, под влиянием рецензий «Библиотеки для чтения», так как и здесь упоминаются «белые станицы».

Незадолго до появления книги в продаже в третьем томе «Современника» Пушкин поместил свою рецензию «Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова». Анализируя включенные в сборник стихотворения, Пушкин замечает, что они имеют «неоспоримое достоинство», в них «езде гармония, везде мысли, изредка истина чувств. Если бы г. Тепляков ничего не писал, кроме элегии “Одиночество” и станса “Любовь и ненависть”, то и тут занял бы почетное место между нашими по-

этами»⁵. Отзыв о сборнике Теплякова был напечатан также в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду».

Во втором параграфе «Странствие как принцип организации цикла ("Фракийские элегии" и "Письма из Болгарии")» анализируются циклы «Фракийские элегии» и «Письма из Болгарии». В марте 1829 г., когда Тепляков возвратился с Кавказских минеральных вод, его направляют в Варну для ведения археологических разысканий. Он собирает древности для Одесского музея, делает несколько важных археологических открытий. Свои впечатления от пребывания за границей Тепляков описывает в письмах, составивших в переработанном виде книгу «Письма из Болгарии».

Первое «Письмо из Болгарии» было опубликовано в Литературной газете» 26 января 1830 г. Редакция сопровождала его краткой характеристикой писем, в которой прослеживаются следы пушкинской правки текста, который первоначально был написан О.М. Сомовым⁶. Текст «Письма русского путешественника из Варны» значительно отличается от текста издания 1833 г., что, видимо, является результатом редакторской правки, от которой Тепляков отказался в отдельном издании. В редакции «Литературной газеты» отсутствует и указание на адресата письма А.Г. Теплякова, текст письма более ясен и четок, чем в отдельном издании. Большая часть правки заключается в исключении из текста отрывков, не связанных с основной линией повествования: отсутствуют рассуждение о месте погребения Овидия, размышления о происхождении названия Добруджи, археологические, исторические и географические подробности, описания военных действий XVIII в. и фразы о победе войск под предводительством графа Воронцова в 1828 г. В тексте «Литературной газеты» опущены подробности отплытия и прибытия героя в Варну, что придает повествованию лаконизм, де-

⁵ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 90.

⁶ Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 423–426.

лает его более динамичным. С этим связаны и неизбежные в подобных случаях изменения синтаксических конструкций предложений. Конечно, такое серьезное, принципиальное редактирование текста Теплякова было осуществлено не случайно. Шестой номер «Литературной газеты» был полностью посвящен славянской теме, которая прослеживается в заметках И.Я. Бичурина о книге Ю.И. Венелина «Древние и нынешние болгары в отношении к россиянам», в публикации отрывка из драматической поэмы польского поэта О.В. Корженевского «Ангелика».

Одновременно с письмами создается цикл «Фракийские элегии», который Тепляков намеревался издать еще в 1830 г. Тепляков считал цикл основным своим литературным произведением и отмечал его жанровое своеобразие и новизну. В заметке «Московского наблюдателя» (1836. Апрель. Кн. 2. С. 740), критик весьма прозорливо указал на главное отличительное свойство поэтической манеры Теплякова: «Фракийские элегии» можно «принять за одну цельную поэму». Мышление циклами естественным образом приводило к созданию крупных поэтических единств, которые были значительнее отдельно взятого стихотворения, откуда и приходило сравнение с поэмами.

В первой трети XIX в. термин *лирический цикл* не существовал, поэтому «Фракийские элегии» в сознании современников воспринимались именно как особая поэма. «Фракийские элегии» написаны Тепляковым в форме путешествия. Истоки подобного типа организации текста лежат в трансформирующейся романтической поэме (в качестве наиболее близкого примера следует указать «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона). На поэмное начало «Фракийских элегий» современники обращали безусловное внимание. В.Ф. Одоевский, как мы видели, придавал этому качеству большое значение. Да и сам Тепляков, ощущал жанровое своеобразие «Фракийских элегий», отказываясь от именованя их поэмой. Каждая из семи «Фракийских элегий» представляет собой этапы путешествия, которое совершает лирический герой. Названия элегий указывают на

конкретное место маршрута, где находится путешественник. Первая элегия «Отплытие», а завершает цикл элегия «Возвращение». Вторая элегия – «Томис» (места, связанные с изгнанием Овидия), третья – «Берега Мизии» (Дунай), четвертая и пятая – «Гебеджинские развалины» и «Гебеджинские фонтаны», шестая – «Эски-Артнаутлар» (все эти названия включают в себя указание на место действия).

Подобный композиционный принцип Тепляков использовал и в «Письмах из Болгарии», так же состоящих из семи писем и представляющих собой прозаический вариант этого же самого путешествия. И «Письма из Болгарии», и «Фракийские элегии» расположены строго по хронологии. Необходимо также отметить, что, как во «Фракийских элегиях» каждое стихотворение самостоятельно и самодостаточно, так и в «Письмах из Болгарии» каждое составляющее их письмо обладает такими же признаками и может рассматриваться как отдельное произведение.

Тепляков сам указывает на литературные источники «Фракийских элегий». Это элегия Пушкина «Погасло дневное светило...» и поэма Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда», связь с которой подчеркивается эпиграфом из 1-ой песни Байроновского Чайльд-Гарольда Тепляков упоминает и в тексте самих «Фракийских элегий», цитирует Байрона и в примечаниях к ним. Со знаменитой поэмой Байрона элегии Теплякова связывал и Пушкин в своей рецензии: «Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшим его к Фракийским берегам» (XII, 84). К названным источникам «Фракийских элегий» можно добавить также монументальные исторические элегии Батюшкова.

В элегии «Отплытие», особенно обильно насыщенной пушкинскими ассоциациями и реминисценциями, главным является образ поэта-странника, романтического скитальца, покинувшего родину. Этот образ связывает стихотворения друг с другом, проходит через весь цикл, что придает ему сюжетное развитие. Образ поэта-беглеца после «Паломничества Чайльд-

Гарольда» стал одной из ведущих тем европейского романтизма. Тепляковский странник разочарован, одинок, бегство для него – единственный выход.

Другим литературным источником «Фракийских элегий» является пушкинское послание «К Овидию» (1821). Об Овидии Тепляков пишет во второй элегии «Томис», рассказывающей о его путешествии по предполагаемым местам ссылки римского поэта. В трактовке образа Овидия Тепляков ориентируется на Пушкина; при описании жизни Овидия в изгнании Тепляков пользуется, как и Пушкин, элегиями из его книг «*Tristia*» и «*Ex ponto*», текстуальные параллели из которых он сам отметил в примечаниях. Пушкин, хорошо знавший и высоко ценивший творчество Овидия, рад был обнаружить столь же хорошее знание в элегии Теплякова. Однако Тепляков в характеристике Овидия отходит от пушкинской трактовки, когда пишет о том, что во время набегов гетов и савроматов, «радостно поэт на смертный мчался бой». Пушкин, ссылаясь на 1-ю элегию 4-й книги «Скорбных элегий», отметил историческую и психологическую неточность этой строки. Дело в том, что там Овидий сам признается, как «тяжело ему под старость покрывать седину свою шлемом и трепетной рукою хвататься за меч при первой вести о набеге». У Теплякова же это нарушение исторической конкретики было вполне сознательно использованным приемом. Они характеризовали отчаяние Овидия, фигура которого была, таким образом, приближена к лирическому герою.

Тема странничества в концепции «Фракийских элегий» приобретает историко-философское истолкование. Элегию «Гибеджинские развалины» Пушкин назвал «лучшей из всех», так как «в ней обнаруживается необыкновенное искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях» (XII, 87). Тепляков развивает в ней достаточно популярную в литературе конца XVIII – начала XIX вв. идею бессмысленного круговорота цивилизаций, каждую из которых ждет в этом круговороте неизбежная гибель.

Тепляков следует природоморфной циклической концепции истории. История человечества – это движение по замкнутому кругу: каждое последующее поколение повторяет историю предыдущего, ибо все живут по одному и тому же, заранее предначертанному закону. В пятом «Письме из Болгарии» Тепляков цитирует предисловие к книге И.-Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» в переводе Э. Кине (эта книга, как можно судить, оказала значительное влияние на формирование собственной историософской концепции Теплякова). Однако на историософские воззрения Теплякова мог повлиять и художественный опыт русских писателей (Н.М. Карамзин, Пушкин).

И жизнь человечества, и жизнь отдельного человека подчинена законам природы. Все, что существует в мире, проходит в своем развитии определенные этапы: все в мире «зреет, Живет, растет и каменеет». В рассуждениях Теплякова о смысле истории появляется образ реки времени. Для поэта он воплощается в Дунае (Истре). Размышления о цикличном характере истории в «Берегах Мизии», о смене цивилизаций также связаны с образом этой реки. Однако следует отметить, что это обращение Теплякова к образу реки не приводит его к линейной концепции исторического времени: народы, как волны, бьются о брег Дуная, но не текут вместе с его волнами в море вечности. Хотя одновременно с рекой времен во «Фракийских элегиях» Тепляков пишет и о море как символе вечности, но, как и образ реки, море в данном случае предстает не в привычном понимании неподвижного, спокойного пространства, но всегда бунтующим, охваченным штормом. Наряду с пессимистическими мотивами бренности всего земного, во «Фракийских элегиях» возникает мотив природы и слияния человека с ней. Природа, в отличие от любой цивилизации, вечна, как и все, что неподвластно вечности.

В композиции «Фракийских элегий» элегия «Гебеджинские фонтаны» занимает особое место. Логика путешествия выделяет эту элегию среди всех составляющих его стихотворений:

пройдено более половины «пути» (половина путешествия – половина цикла), именно сейчас под сенью фонтанов стоит остановиться отдохнуть. Образ фонтана в творчестве Теплякова нередко ассоциируется с темой кратковременного покоя и отдыха. Мотив покоя повторен Тепляковым и в «Пятой фракийской элегии».

От раздумий о прошедших веках Тепляков обращается к событиям, свидетелем которых он стал во время своего путешествия. Элегию «Эски-Арнаутлар» Тепляков начинает со стихов, входивших ранее во вторую часть поэмы «Бонифаций»: первые 12 стихов повторяют в несколько измененном виде стихи 91–102 поэмы. В элегии Тепляков рисует картину сражения, в котором 5 мая 1829 г. русские войска потерпели поражение. В элегии «Возвращение» описывается эпидемия чумы, охватившая Болгарию. Так по мере развертывания цикла лирический герой переходит от осмысления исторических процессов к изображению современности. Начало и конец путешествия оказываются связаны. Возвращение лирического героя на родину – это завершение данного конкретного путешествия и одновременно потенциальное начало нового. Все эти мотивы имели ярко выраженный автобиографический подтекст, а условно-литературный образ странника во «Фракийских элегиях» был отражением реальной жизни и настроений самого Теплякова.

Жанровое своеобразие «Фракийских элегий» обусловило специфику их лирического героя. Сюжетно элегии Теплякова никак не связаны друг с другом, поэтому единственным связующим их лирическим субъектом является сам автор. Все элегии цикла написаны от первого лица, что усиливает ощущение тождества автора и героя. Важен и тот факт, что публикации «Фракийских элегий» предшествовало издание «Писем из Болгарии», герой которых прямо соотносился с их автором как реальным человеком, совершившим реальное путешествие. Во «Фракийских элегиях» равнозначность автора и персонажа подчеркивается еще и выбором ракурса повествования. В центре – герой-странник, лишенный семьи, без родины. Этот традицион-

ный романтический прием в сочетании с реальной биографией Теплякова позволяет видеть в лирическом герое автора. Данная особенность «Фракийских элегий» была замечена Пушкиным, который «безусловно принимает подмену героев: законного героя “Фракийских элегий” он видит не в объективированном персонаже, а в авторе»⁷.

Несомненный интерес вызывает вопрос о соотношении «Фракийских элегий» и «Писем из Болгарии». Практически к каждой строфе «Элегий» можно найти текстуальные параллели из прозаического цикла Теплякова. Сам Тепляков осознавал «Письма из Болгарии» как дополнение к «Фракийским элегиям». В примечаниях к «Первой фракийской элегии» «Отплытие» Тепляков пишет: «Общими примечаниями к этой и другим *Фракийским элегиям* могут служить изданные за два года перед сим *Письма из Болгарии*, археологическое путешествие автора по древней Мизии, во время кампании 1829-го года». И в целом ряде следующих примечаний он отсылает читателя к своим «Письмам». Тепляков учитывал жанровую специфику лирики, которая позволяла считать описываемое путешествие вымышленным, и поэтому включением отрывков из «Писем из Болгарии» подчеркивал его реальность и автобиографическую основу. Этой же цели служит и неоднократное цитирование в примечаниях античных авторов и историков. В примечаниях к элегии «Томис» Тепляков иллюстрирует свои стихи параллелями из «Скорбных элегий» и «Понтийских элегий» Овидия.

В Заключении подводятся итоги исследования. Творчество Теплякова представлено в качестве яркой страницы русской поэзии пушкинского времени, причем подчеркнут переходный характер его произведений, предвосхищающий собой поэтические открытия Лермонтова. В Приложении публикуются стихотворные тексты и биографические документы Теплякова, которые еще не вводились в научный оборот.

⁷ Фоменко И.В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь, 1992. С. 50.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Арагва, Кот, кошурка // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 60–61, 538–540 (в соавторстве с М.В. Строгановым).
2. Из комментариев к «Евгению Онегину»: «подблюдны песни» // Филология-Philologica. 1999. № 15. С. 13.
3. Из комментариев к «Евгению Онегину». Масленица // Творчество А.С. Пушкина и русская культурная традиция: Материалы международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Липецк, 2000. С. 56–58 (совместно с М.В. Строгановым).
4. «Тепляков – тверское диво». Из комментария к поэме А.М. Бакунина «Осуга» // Провинция как реальность и объект осмысления. Тверь, 2001. С. 209–213.
5. «Страшное питье вина, любовь, отчаяние...» // Мотив вина в литературе: Материалы международной научной конференции. Тверь, 2001. С. 22–24.
6. Тепляков – такое диво // Август в Твери. 2001. № 8. С. 14–15.
7. Творчество В.Г. Теплякова в восприятии современников // Историко-литературный сборник. Вып. 3. Тверь, 2002 (в печати).